

Юноше на вид было лет семнадцать-восемнадцать, и даже простая одежда из грубой мешковины не могла скрыть его бьющей ключом жизненной энергии. Храм, оставшийся от прежней династии, давно пришел в запустение: порог зарос бурьяном, а внутри всё было покрыто толстым слоем пыли. Покрутившись на месте, юноша выбрал самое чистое, на его взгляд, пятно — прямо на пороге, на который, по словам предков, наступать было нельзя — и уселся, от нечего делать разминая пальцами отросшие у висков пряди волос.

Солнце поднялось высоко, и ранняя летняя жара ощущалась повсюду. Крыша храма хоть как-то спасала, заслоняя палящие лучи, но зной всё равно просачивался внутрь, и на лице юноши, казалось, было крупно написано: я больше не могу здесь сидеть.

— Учитель, когда мы уже сможем пойти домой? — крикнул он, обернувшись вглубь храма.

Храм был невелик — примерно десять шагов в длину, чуть шире в боках. Единственная дверь была впереди, поэтому голос юноши гулко отдавался эхом от стен.

Перед статуей Гуаньинь, скрестив ноги, сидел широкоплечий мужчина в таком же простом одеянии. Не оборачиваясь на выкрик ученика, он ответил:

— Всё потому, что ты вечно сидишь в этой глуши, кругозор у тебя совсем узкий. Выйди в большой мир, посмотри, кто из настоящих совершенствующихся такой же суетливый и нетерпеливый, как ты! И даже не думай улизнуть, будешь сидеть здесь, пока я не разберусь с этой штуковиной.

Цзи Цайсюэ расплел скучную косичку, которую скрутил у виска, и с тоской посмотрел на выжженную солнцем траву за порогом. Он думал: если бы Свиток Небесной Тайны был так прост в изучении, то какой смысл был бы в нем как в оружии для главного героя?

С тех пор как он попал в этот мир, прошло десять лет. Жизнь текла на удивление спокойно. Самым значимым событием за всё это время был отъезд старшего брата Чу Ляньвэя три года назад — тот отправился странствовать.

Чу Ляньвэй был воплощением образа благородного мужа, мягкого и учтивого. Именно он когда-то подобрал Цзи Цайсюэ в снегу и привел в обитель. Тогда мальчишка ревел в три ручья, а потом слег с сильнейшей лихорадкой. Когда брат спросил его имя, он, уже бредя в жару, подумал: раз уж я всё равно при смерти, какая разница, что говорить? И сболтнул первое, что пришло в голову. Брат взял иероглиф Цзи в качестве фамилии, а раз нашел его в снегу, то назвал Цайсюэ — что удивительным образом совпало с его собственным именем из прошлой жизни.

Сейчас модно писать истории о попаданцах. Перед тем как погибнуть в автокатастрофе, Цзи Цайсюэ как раз собирался написать гневный комментарий к популярному тогда длинному роману в жанре сянься под названием Свиток Небесной Тайны. Поэтому, осознав факт своего перемещения, первой его мыслью было: только не говорите, что я попал в этот самый Свиток!

Позже, внимательно всё изучив, он понял, что это мир с низким уровнем магии — точнее, альтернативная история древности. Большинство людей здесь — простые подданные феодальной династии, которые даже не подозревают о существовании совершенствующихся. А те немногие, кто встал на путь самосовершенствования, в половине случаев не могут преодолеть даже порог создания фундамента. Даже самые талантливые чаще всего останавливаются на стадии Золотого ядра — конечно, во многом потому, что даже у совершенствующихся продолжительность жизни не отличается от обычной, разве что тело крепче.

Если же кому-то из небожителей удавалось миновать Золотое ядро и достичь стадии Зарождения души, то в определенный момент он получал зов и, пройдя через финальное испытание небесной карой, возносился в бессмертные.

Последний такой счастливчик появился еще при прошлой династии, и вот уже десятки лет о вознесении в мире смертных никто не слышал.

А мир романа Свиток Небесной Тайны — это место с высоким уровнем магии, где совершенствующиеся летают на мечах и сокращают расстояния в один шаг.

К тому же, двое людей, которых он видел здесь — его учитель с вечно небритой бородой, который выглядел на сорок с лишним, хотя ему было едва за тридцать, и изящный, словно нефрит, старший брат — были абсолютно нормальными людьми. Они ни капли не походили на персонажей из бульварных романов, готовых при малейшем поводе бросаться в крайности. Поэтому Цзи Цайсюэ быстро отбросил мысль о том, что он попал в книгу.

Хотя, конечно, странности были. Его учитель Лу Ван обладал невероятно высоким уровнем мастерства — уже достиг стадии Золотого ядра. Более того, Цзи Цайсюэ видел, что учитель намеренно сдерживает свою силу, и, возможно, в реальности он не уступал практикам стадии Зарождения души. А старший брат Чу Ляньвэй, обладая огромным талантом, уже был на пороге Золотого ядра и три года назад ушел именно за тем, чтобы найти возможность прорваться дальше.

Лишь он один оставался таким безнадежно слабым. Поэтому он в шутку подозревал, что является главным героем истории о восхождении с самых низов.

Конечно, это были лишь домыслы. Он привык к размеренной, скучной жизни и думал, что так будет всегда, пока вчера учитель не принес из лесу находку, от которой Цзи Цайсюэ едва не лишился чувств.

Свиток Небесной Тайны в романе был артефактом главного героя Гуань Чжигэ и, по сути, тем самым роковым предметом, который привел к трагическому финалу. Внешне свиток выглядел как обычный пергамент, но словно для того, чтобы никто не перепутал, на обороте крупно было выведено: Свиток Небесной Тайны.

Небесная тайна — это желание и испытание, через которое совершенствующийся не может

переступить всю жизнь.

В романе говорилось: Чан Ань никогда не думал, что его спутник, с которым они делили горе и радость десятки лет, направит на него клинок из-за предсказаний свитка. Он видел, как меч Чжуюэ рубил головы врагам, но теперь должен был смотреть, как тот же безжалостный клинок разрушает их теплое прошлое, словно разбивая зеркальное отражение в воде, и в одно мгновение оказывается у его горла. Знакомое лицо было совсем рядом, и он легко утонул в глубоких черных глазах мужчины. Годы нежности пронеслись в голове, словно всё вернулось к самому началу. Он увидел в этих глазах, черных, как тушь, легкую рябь — многолетняя близость позволила ему заметить скрытое колебание, он понял, что это предвестник раскаяния. Но даже мастерство меча достойного Синчжи, доведенное до совершенства, не могло остановить этот удар — самый быстрый удар в его жизни, направленный в собственного супруга. Старший брат... когда мы впервые встретились в павильоне Цюйшуй, я никогда не думал, что наш путь закончится именно так.

Цзи Цайсюэ не знал, сколько сейчас времени, но жара становилась удушающей. Он не выдержал, перебрался вглубь храма, сложил руки в молитвенном жесте перед бодхисаттвой и, чувствуя легкую вину, утащил подушку для сидения в сторонку.

Его учитель всё еще возился со свитком. Вид здорового мужика, сосредоточенно изучающего тонкий клочок бумаги, был весьма забавным. Цзи Цайсюэ посмотрел на увлеченное лицо учителя, затем на сам свиток, который в его глазах был пропитан драмой, и несколько раз порывался посоветовать выбросить эту дрянь, но, наткнувшись на суровый взгляд, благоразумно замолчал.

Свиток позволял заглянуть в будущее и понять причинно-следственные связи — для тех, кто жаждет вознесения, это был невероятный соблазн. Но Цзи Цайсюэ не понимал: если учитель так хочет вознестись, почему бы просто не снять печать с мастерства и не дожидаться небесного зова? Он не был тем человеком, который вечно сомневается и осторожничает. Зачем цепляться за свиток, подлинность которого еще под вопросом?

Будь у него такой уровень мастерства, он бы ходил по миру, задрав нос. А вознесется он или нет — не так уж важно. Вознесется — станет счастливым бессмертным на тысячи лет, нет — проживет жизнь в свое удовольствие. Разве не прекрасно?

— Учитель, как думаете, после вознесения в мире бессмертных действительно всё так, как пишут в книгах? Вино, красавицы, бесчисленные эликсиры? — спросил он, потирая подбородок. Это было самое привлекательное, что приходило в его голову — ну, может, еще вечная жизнь.

Учитель наконец оторвался от дела и смерил его презрительным взглядом:

— И это всё, о чем ты можешь мечтать?

Цзи Цайсюэ промолчал, хотя внутри всё кипело.

— Вознесение — это лишь начало очередного пути самосовершенствования, — голос Лу Вана стал серьезным, а густые брови нахмурились. — Кем бы ты ни был в мире смертных, в мире бессмертных ты для них — лишь пыль под ногами.

Цзи Цайсюэ не ожидал, что учитель так осведомлен о мире бессмертных. По его тону казалось, будто он сам там бывал. Юноша хмыкнул, но вдруг его осенило:

Неужели так называемое вознесение — это просто переход из мира с низким уровнем магии в мир с высоким? Из мира смертных в мир совершенствующихся?

Мир, где живут герои Свитка Небесной Тайны, — это и есть тот самый высший мир, куда стремятся практики. Это объясняет, почему он нашел этот свиток в такой глуши. В финале оригинала Гуань Чжигэ, убив супруга и раскаявшись, перешел на сторону тьмы. Обладая огромной силой, он стал одним из сильнейших в мире, и его падение привело к хаосу между людьми, демонами и духами. Барьер между мирами треснул, и свиток просочился в мир смертных.

Похоже, он попал сюда уже после того, как сюжетная линия завершилась.

В оригинале не говорилось прямо о судьбе Гуань Чжигэ. Цзи Цайсюэ гадал, погиб ли он вместе с соперником или покончил с собой. Финал был трагичным, но при мысли, что всё это произошло из-за ошибки одного человека, погубившего столько жизней, Цзи Цайсюэ становилось тошно.

Чем больше он думал, тем больше убеждался в своей правоте. Он уже собирался выведать что-нибудь у учителя, как тот хлопнул себя по колену и встал, разминая шею с характерным хрустом:

— Пошли, вернемся, выкопаем кувшин вина.

Цзи Цайсюэ вытаращил глаза:

— Учитель, вы разобрались? Разве такой артефакт не должен быть только у главных героев?

— Кажется, получилось. Я капнул на него кровью, результат проявится со временем. Сначала набьем животы, — сказал Лу Ван, убирая свиток в ящик стола, где обычно лежали подношения. — И поднимись, положи подушку на место.

Цзи Цайсюэ встал, отряхиваясь и думая, сколько лет кармы он потерял, посидев на этом месте. Если он действительно переродился в этой жестокой драме, то все его добрые дела в прошлой жизни были напрасны.

Бодхисаттва, прости меня и посмейся вместе со мной.

Пока он предавался этим мыслям, сердце вдруг дрогнуло. Он посмотрел на благостное лицо статуи и ему показалось, что выражение лица бодхисаттвы слегка изменилось.

Будто она насмешливо улыбнулась.

Сзади снова позвал учитель, его голос удалялся. Цзи Цайсюэ протер глаза — наверное, показалось. Он поспешил догонять.

Учитель был человеком широкой души, но со своими причудами. Пить он любил, но, будучи суровым на вид мужчиной, пил только собственноручно настоянное вино из персиковых цветов. Даже императорскому вину он предпочитал свое.

Видимо, работа со свитком раззадорила его, и Лу Ван осушил три кувшина подряд. Его смуглое лицо едва заметно покраснело. Цзи Цайсюэ подождал, пока учитель разуется и завалится на кровать — только пьяный человек мог выболтать правду.

— Учитель, вы ведь раньше бывали в мире бессмертных? Что это за место? Неужели там повсюду великие секты, а бессмертные летают на облаках и повелевают стихиями? — Цзи Цайсюэ осторожно подсел ближе. Лу Ван, захмелевший, лишь невнятно промычал что-то в ответ, ковыряясь в ухе. Цзи Цайсюэ уже хотел повторить вопрос, как вдруг услышал тихий голос:

— Мир бессмертных... совсем не рай. Сердца бессмертных холоднее и коварнее, чем у простых смертных.

Цзи Цайсюэ замер. Учитель лежал к нему спиной, и он не видел его лица, но почувствовал, что эти слова не принадлежат пьяному человеку. С другой стороны, это лишь подтверждало его догадки: мир из Свитка Небесной Тайны был жестоким местом, где сила решала всё.

Никакой человечности, никакой справедливости — всё это лишь пустые слова.

Смерть Чан Аня была на совести тех высокомерных старейшин сект и их подобоострастных учеников.

— Мир бессмертных... не идет ни в какое сравнение с миром смертных...

— А мир смертных... не сравнится с персиковым садом...

Лу Ван внезапно перевернулся, и его ясные, подернутые пьяной дымкой глаза встретились с глазами Цзи Цайсюэ:

— Я скучаю по твоей наставнице.

<http://bllate.org/book/18928/1852088>